Владимир Л. Близнеков

РАНХиГС, Москва, Россия

Техногуманистический манифест будущего

Рецензия на книгу: Эпштейн М.Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века, М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019

doi: 10.22394/2074-0492-2019-4-232-237

Лекционный курс Михаила Эпштейна, вышедший в этом году, интересен, прежде всего для специалистов в сфере гуманитарных наук. Оригинально и неординарно в данном лекционном курсе в первую очередь то, что сам автор — известный филолог и культуролог — обращается к коллегам-гуманитариям с манифестом о будущем гуманитарных наук в XXI веке.

«Манифест» — один из самых важных концептов, переформулированных автором в данном лекционном курсе. Автор определяет манифест в сфере гуманитарной мысли, противопоставляя его научной монографии: «Вершинные образцы и достижения литературной теории мы находим не в научных монографиях или диссертациях, а в манифестах ... Манифест — вот первое слово теории, а монография ее последнее слово» [32-33]. С точки зрения Михаила Эпштейна, манифесты, в отличие от монографий не описывают происходящее или

Близнеков Владимир Леонидович — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте России, Москва. Научные интересы: философия, социология религии, международное право. E-mail: vbliznekov@gmail.com

Vladimir L. Bliznekov — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy, sociology of religion, international law. E-mail: vbliznekov@gmail.com

происходившее, а утверждают или предполагают, что должно или могло бы произойти, «пользуются скорее сослагательным или повелительным, чем изъявительным наклонением» [34]. Таким образом, интенция манифеста направлена в будущее в форме императива или гипотезы, интенция же монографии направлена на настоящее или прошлое, поэтому монография существует в лингвистической форме индикатива. Монография — это результат научного теоретического созерцания реального бытия. Манифест же — это продукт творческого конструирования субъектом новой должной или возможной реальности, зависящей от индивидуальных способностей, творящего субъекта, прежде всего от силы его воображения. Следовательно, монография относится к теории и научной традиции, а манифест — к практике и научной новации. Автор приводит примеры создателей великих манифестов гуманитарного знания эпох модерна и постмодерна: юрист и основоположник юридического позитивизма Джон Остин, писатель и философ Фридрих Шлегель, поэт и основатель символизма Андрей Белый, поэт и основатель футуризма Филиппо Маринетти, писатель и основоположник сюрреализма Андре Бретон, философ и литературовед Ролан Барт, даже идеологи коммунизма и создатели «Коммунистического манифеста» Карл Маркс и Фридрих Энгельс [33-36]. Стоит обратить внимание, что большинство, указанных Михаилом Эпштейном создателей выдающихся манифестов, занимались литературным творчеством, а не наукой и философией. Манифест является прежде всего литературным жанром, а не формой научного исследования. Отсюда можно сделать вывод, что автор хочет представить литературный жанр манифеста в качестве основного теоретического концепта гуманитарных наук вообще, т. е. манифест, как форма искусства, должен стать наиболее значимой формой научной теории.

Различая манифесты и монографии в сфере гуманитарного знания, автор подчеркивает собственную ценностную позицию: манифесты, несомненно, важнее и значимее монографий и других фундаментальных научных исследований, поскольку они «...провозглашают новые литературные движения, культурные эпохи — и кладут начало этим движением самим фактом провозглашения» [33]. При этом он умалчивает, что его собственный лекционный курс — это манифест в сфере гуманитарных наук, более того, один из наиболее радикальных манифестов за всю их историю. Для понимания заданного автором дискурса необходимо представить по крайней мере краткую реконструкцию его собственного манифеста.

В высшей степени манифестативно уже само его понятие «гуманистика», которое включает в себя не только гуманитарные науки, но и гуманитарные технологии, т. е. творческий праксис, направ-

ленный на трансформацию бытия. Автор предельно ясно поясняет, что он имеет здесь в виду: «...гуманитарные науки... изучают творчество, но сами ничего не творят... Философия спорит о первопричинах и универсалиях существующего мира, но не предлагает новых принципов для построения альтернативных миров» [18]. Гуманистика у автора — более широкое понятие по сравнению с понятием гуманитарных наук, поскольку ее предметом является не только реальное, но и искусственное, сконструированное субъектом бытие.

Но чтобы стремиться к трансформации реальности, любой автор манифеста должен быть неудовлетворен текущим положением дел. Подход Михаила Эпштейна не является исключением: он говорит о современном системном кризисе гуманитарных наук, подчеркивая важнейшие его аспекты: социальная невостребованность исследователей, отсутствие практической надстройки гуманитарных наук, а также творческая пассивность этого вида наук, неразвитость трансформационной интенции или, говоря словами автора, «гуманитарного изобретательства».

В вопросе о низкой социальной востребованности специалистов по гуманитарным дисциплинам в настоящее время на Западе с автором частично можно согласиться, но здесь необходимо различать ученых в области гуманитарных наук и тех, кто просто получил гуманитарное образование, но не занимается наукой. Понятно, что последних гораздо больше, чем первых. Большинство классических гуманитарных наук — философия, филология, история, лингвистика и т. д. — являются теоретическими, а теоретические науки со времен Аристотеля имели целью знание ради самого знания [Адо 1999: 89], т. е. они принципиально не могли иметь утилитарного характера, поэтому, если следовать аристотелевской научной парадигме, любые социальные отношения и утилитарные проблемы должны быть априори вынесены за скобки в оценке развития и перспектив теоретических наук, в том числе и гуманитарных.

Автор представляет свою собственную классификацию наук, разделяя их на три группы: естественные, социальные и гуманитарные, и утверждая, что первые две группы имеют собственную практику — соответственно технику и политику, — а гуманитарные ее пока еще не приобрели [17]. Такая классификация выглядит спорной, а дифференциация по видам наук совместно с их практической надстройкой1 является чисто субъективной, не учитывая известные

1 Спорно прежде всего утверждение автора, что у гуманитарных наук отсутствует практика. Со времени Аристотеля, практика философии, как и других теоретических наук — это этика и политика. Этика всегда была разделом философии. Политика или, соответственно, политология как практическая наука происходит из философских теорий, а не из соци-

научные подходы к классификации наук в истории и философии науки. Так, в классической аристотелевской классификации наук [Аристотель, Метафизика, кн. 6; см. также Мельников 2018: 35-48] строится следующая иерархия: на самом верху находятся теоретические науки: философия, математика и физика, на ступень ниже располагаются практические науки: политика, этика и в некоторой мере экономика, а ниже всего в иерархии наук стоят науки поэзиса или творческие искусства: поэтика, риторика и с определенными оговорками сюда же можно отнести технику [Михайловский 2016: 44].

Но наиболее неоднозначной и оригинальной является концепция автора в отношении пути выхода из кризиса гуманитарных наук. Он видит выход именно в синтезе гуманитарных наук, в частности философии, с техникой, ибо первая уже не может сегодня игнорировать силу и мощь последней. Из орудия и инструмента науки техника, по мнению автора, превратилась сегодня в ведущую силу, способную как трансформировать реальность, так и порождать новые виды бытия, гуманитарные же науки останутся творчески пассивными и маргинальными до тех пор, пока не вольются в мейнстрим фундаментальной техники. Автор уже придумал название для будущего синтеза техники и философии — техософия, «...которая теоретически мыслит первоначала и практически учреждает их в альтернативных видах, материи, жизни и разума» [67].

Следовательно, философия в очередной раз должна умереть, чтобы ее производные жили. В истории философии уже были попытки заменить ее «настоящей наукой», самые известные из которых принадлежат Дестюту де Траси и Огюсту Конту. Тем не менее философия до сих пор существует, и, видимо, будет непросто убедить человека будущего отказаться от философии — великого духовного наследия человеческой культуры — в пользу некой ее производной, техософии.

Тем не менее, апология техники у Михаила Эпштейна абсолютно закономерна, поскольку концепт манифеста с интенцией на конструирование новой реальности является ничем иным как выражением сущности самой техники или техне (techne), в качестве феномена античной греческой культуры и философии. Техне — многозначный термин античной философии, означавший ремесло, искусство, умение, ловкость, хитрость, и в качестве уже упомянутого поэзиса у Аристотеля относится к вспомогательной функции

альных наук. Автор игнорирует факт, что философия, как самая древняя из гуманитарных наук, со времен античности имела праксис, а социальные науки появились в истории науки намного позже, либо сами являлись праксисом для гуманитарных наук.

творчества. В частности, у Аристотеля существует онтологическое различие между бытием природных вещей (physei onta) и бытием вещей, созданных искусственно рукой ремесленника (apo technes onta) [Михайловский 2016: 44], причем в мире искусственной природы — техне, в отличие от мира естественной природы — фюсис (physis), только человек является движущей причиной [Аристотель 1976: 302]. С точки зрения Платона, техне вообще не может являться источником познания и даже не связано с логосом, а укоренено в материи, поскольку способно создать только мир вещей, доступный нашим органам чувств. Техне у Платона — это лишь мимесис, подражание чувственно воспринимаемой природе [Никитина 1990: 24-35].

Античное недоверие к технике как к миру искусственной, созданной человеком природы, которая в иерархии сущего априори ниже физики, изучающей естественную природу, не говоря уже о метафизике, впервые радикально переосмысливается в Новое время в философии Фрэнсиса Бэкона и физике Исаака Ньютона. С тех пор техника в качестве механики ставится на один уровень с физикой и другими естественными науками. Таким образом, начиная с Нового времени физика (в смысле аристотелевской науки о природе) постепенно все более сливается с техникой. Но гуманитарные науки, имеющие своим объектом человека как индивидуума, до сих пор существовали практически параллельно миру естественных и технических наук. Поэтому интенция автора техногуманистического манифеста направлена на распространение новоевропейской экспансии техники уже на сферу гуманитарных наук и прежде всего на их объект — человека.

В традиции античной философии, которая является в том числе колыбелью всех гуманитарных наук, наука или философия — это прежде всего знание реального бытия и сущего, т. е. того, что уже есть, и не зависит от нашего творчества на пути техне. Гуманитарные науки, и прежде всего философия, не могут попросту слиться с техне как искусством par excellence, чтобы трансформировать реальное бытие и конструировать его новые искусственные формы, иначе они перестанут быть наукой и философией в том смысле, в котором они появились в античной Греции в VI–V вв. до н. э., став духовной основой европейской культуры.

Все просто может быть только в манифесте Фридриха Шлегеля, цитируемого Михаилом Эпштейном: «...Всякое искусство должно стать наукой, а всякая наука — искусством, поэзия и философия должны соединиться» [34]. В императиве субъекта в манифесте Шлегеля, как и в техногуманическом манифесте самого Эпштейна, отсутствует интенция на реальное бытие как подлинный объект классической науки и философии. Кто угодно, в том числе и уче-

ные-гуманитарии, могут практиковать техногуманистику, так же как и заниматься искусством, или, например, science fiction, но это не означает, что все гуманитарные науки должны трансформироваться в нечто подобное, чтобы иметь место в будущем.

Библиография / References

Адо П. (1999 *Что такое античная философия?* М.: Издательство гуманитарной литературы.

— Hadot P. (1999) *What is ancient philosophy?* M.: Publishing house of humanitarian literature. — in Russ.

Аристотель (1976) Метафизика. *Аристотель. Собр. соч. в 4 т.,* Т. 1. М.: Мысль.

— Aristotle (1976) Metaphysics. *Aristotle. Selected Works. in 4 vol.*, V. 1. M.: Mysl. — in Russ.

Мельников С.А. (2018) *Введение в философию Аристотеля. 8 лекций для проекта Магистерия*, М.: Rosebud Publishing.

— Melnikov S.A. (2018) *Introduction to Aristotle's philosophy. 8 lectures for the project Magysteria*, M.: Rosebud Publishing. — in Russ.

Михайловский А.В. (2016) Хайдеггер и Аристотель о techne и physis. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования хайдеггеровской мысли о технике, *Вестник РГГУ*, 3 (5): 37-51.

— Mikhailovsky A.V. (2016) Heidegger and Aristotle on techne and physis. Article One The hermeneutic significance of Aristotle for the formation of Heidegger's thought about technology, *Vestnik RGGU*, 3 (5): 37-51. — in Russ.

Никитина Н.Н. (1990) *Мимесис в эстетике Аристотеля*. М.: Знание.

— Nikitina N.N. (1990) *Mimesis in the aesthetics of Aristotle*. M.: Znanie. — in Russ.

Рекомендация для цитирования:

Близнеков В.Л. (2019) Техногуманистический манифест будущего. Рецензия на книгу: Эпштейн М.Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. *Социология власти*, 31 (4): 232-237.

For citations:

Bliznekov V.L. (2019) Technohumanistic Manifesto of the Future. Book Review: Epstein M.N. Future Humanities: Techno-Humanism, Creatorics, Erotology, Electronic Philology and other Sciences of the 21st Century. M.: Group of companies "RIPOL classic" / "Pangloss", 2019. *Sociology of Power*, 31 (4): 232-237.

Поступила в редакцию: 19.12.2019; принята в печать: 22.12.2019

Received: 19.12.2019; Accepted for publication: 22.12.2019